

0601

HARLEQUIN®

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Линн Трэнел

САМАЯ ЛУЧШАЯ СВАДЬБА

Моя первая любовь

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Линн Грэхем

Самая лучшая свадьба

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Грэхем Л.

Самая лучшая свадьба / Л. Грэхем — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман – Harlequin)

Миллиардер Чезаре Саботино, не знающий отказа у женщин, не спешит заводить семью. Однако волей судьбы ему предстоит вернуть семье фамильный остров в Средиземном море, а для этого, по условиям завещания, он должен не только жениться на Лиззи Уитейкер, дочери разорившегося фермера, но зачать с ней ребенка. Чезаре не сомневается, что без труда уговорит очаровательную Лиззи на фиктивный брак, пообещав ей щедрое вознаграждение. Каково же его изумление, когда девушка отвечает категорическим отказом...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

© Грэхем Л., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Линн Грэхем
Самая лучшая свадьба
Роман

Lynne Graham

The Billionaire's Bridal Bargain

The Billionaire's Bridal Bargain © 2015 by Lynne Graham

«Самая лучшая свадьба» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2016

Глава 1

Конверт был доставлен курьерской почтой. Вскрыв его, Чезаре Сабатино издал протяжный стон. Красивое, смуглое лицо выражало недоумение.

В папке лежали две фотографии: на одной юная миниатюрная блондинка Кристина, на другой – ее старшая сестра Элизабетта. Неужели умственное помешательство передается по наследству? Чезаре запустил пальцы в густые, блестящие волосы, сдерживая раздражение. Он не может тратить время на глупости в середине рабочего дня. Зачем его отец Жоффредо затеял эту игру?

– Что случилось? – спросил Джонотан, друг Чезаре и директор его фармацевтической империи.

В ответ Чезаре передал ему папку.

– Взгляни и пожалей меня. Вот пример безумия, которое может охватить даже нормальных на первый взгляд родственников.

Нахмурившись, Джонотан внимательно рассмотрел фотографии.

– Блондинка хорошенькая, но слишком молода, а вторая, в шапочке, похожа на огородное пугало. Что общего у тебя с какой-то фермерской семьей из Йоркшира?

– Это долгая история, – предупредил Чезаре.

Джонотан уселся поудобнее.

– Интересная?

– Как тебе сказать, – скривил рот Чезаре. – По-моему, не очень. В тридцатых годах прошлого века нашей семье принадлежал небольшой остров Лайонз в Эгейском море. Большинство моих родственников со стороны отца похоронены там. На острове родилась и провела детство моя бабушка Афина. Когда ее отец разорился, остров был продан итальянцу Джеральдо Лучини.

– Богатство приходит и уходит, – пожал плечами Джонотан.

– Ситуация, однако, осложнилась, когда брат Афины решил вернуть остров семье, женившись на дочери Лучини. Однако, в последний момент, практически перед алтарем, отказался от невесты.

– Ничего себе...

– Отец невесты пришел в ярость от оскорбления семьи и навечно связал остров невыгодными условиями наследования.

– А именно?

– Остров не может быть продан. В настоящее время он принадлежит двум сестрам, получившим его после смерти матери. Моя семья может снова заполучить остров, только если наши семьи – Жиронди и Лучини – породнятся и их свяжет рождение ребенка.

– Ты шутишь? – поднял брови Джонотан.

– Мой отец всерьез решил вернуть остров и сделал предложение Франческе – матери этих сестер. Сказать по правде, он на самом деле влюбился в нее. К нашему счастью, она ему отказала и вышла замуж за парня из своей деревни.

– Почему к счастью?

– Франческа недолго оставалась с фермером, вслед за ним она сменила довольно много мужчин. Жоффредо избежал печальной участи. – Волевое худощавое лицо Чезаре помрачнело. Он понимал, что его романтический и немного наивный отец никогда не обуздал бы строптивую Франческу.

– Зачем же отец прислал тебе эти фотографии?

– Не оставляет надежду вернуть остров и надеется вовлечь меня в этот безнадежный проект, – сухо заметил Чезаре, сопровождая слова сардонической улыбкой, скользнувшей

по широким, чувственным губам. Его рука насмешливо описала в воздухе большой знак вопроса.

– Я правильно понял, что он хочет убедить тебя жениться на одной из двух девиц? – Джонотан недоверчиво прищурился, прекрасно зная, что ни одной красавице еще не удавалось завязать с Чезаре длительные отношения. Тот слишком любил женщин, чтобы ограничивать себя одной привязанностью. – Он что, с ума сошел?

– Неисправимый оптимист, – вздохнул Чезаре. – Сколько бы я ни говорил, что не имею ни малейшего желания вообще когда-нибудь жениться, не слышит меня.

– Как счастливый муж и отец, должен сказать, что ты многое теряешь.

Чезаре с трудом удержался, чтобы презрительно не закатить глаза. Конечно, он знал: бывают счастливые браки, такие, как у его отца или как у Джонотана, но это скорее исключение. Недаром первая любовь без сожаления бросила его и упорхнула с очень богатым, но очень пожилым мужчиной семидесяти пяти лет от роду. Серафина, как подобает, оставалась верной мужу до самой его кончины, зато теперь богатая вдова преследовала Чезаре, надеясь вернуть его. Воспоминания все еще доставляли Чезаре боль, но послужили хорошим уроком: никогда больше он не повторит ошибку молодости. Уж он-то искушен в вопросах коварной женской природы. Ему еще не попадалась женщина, которая не польстилась бы на его деньги. Довольная улыбка смягчила жесткую линию выразительного рта, когда он подумал о нынешней любовнице – роскошной французской модели, готовой на все, чтобы удовлетворить его в постели и вне ее. При этом она не настаивала на обручальном кольце, клятвах верности, не собиралась рожать ему несносных детей. Что в этом удивительного? Чезаре был щедрым любовником. В конце концов, зачем деньги, если не для удовольствия, особенно когда их так много, как у него сейчас.

Вернувшись вечером в свой городской пентхаус, Чезаре уже не был настроен так оптимистично и даже несколько встревожился, узнав от управляющего Примо о неожиданном визите отца. Он нашел Жоффредо на верхней террасе под крышей, откуда тот любовался великолепной панорамой Лондона.

– Чему обязан честью?

Как всегда эмоциональный, Жоффредо горячо обнял сына, словно они не виделись месяцы, а не пару недель.

– Я должен поговорить с тобой о бабушке.

Улыбка исчезла с лица Чезаре.

– Что случилось?

– Афине требуется операция коронарного шунтирования – это единственный шанс уменьшить стенокардию.

Чезаре замер. Между прямых черных бровей пролегла морщина.

– Ей семьдесят пять.

– Перспективы выздоровления очень хорошие. К сожалению, проблема не в этом, а в упрямстве моей матери. Она считает, что слишком стара для медицинского вмешательства и надо быть благодарной за отпущенные годы.

– Какая ерунда, – возмутился Чезаре. – Давай я сам вразумлю ее.

– Нужна сильная мотивация, которая заставит поверить, что ради будущего стоит перенести боль и стресс от сложной операции.

Чезаре тихо присвистнул сквозь зубы.

– Надеюсь, речь не идет об острове Лайонз. Это пустая трата времени.

Недовольно поджав губы, Жоффредо окинул взглядом единственного сына:

– С каких пор ты боишься принять вызов?

– Я слишком умен, чтобы сражаться с ветряными мельницами.

– Где же твоя хваленая изобретательность? Способность, как теперь говорят, мыслить нестандартно? – настаивал отец. – Времена изменились, Чезаре. Мир шагнул далеко вперед. Что касается острова, то у тебя гораздо больше шансов, чем у меня когда-то.

Чезаре тяжело вздохнул и пожалел, что допоздна не задержался в офисе, где царили спокойствие, дисциплина и порядок, составляющие основу его жизни.

– О каких шансах ты говоришь? – поинтересовался он.

– Ты очень богат, а нынешние владельцы острова бедны как церковные крысы.

– Но завещание составлено так, что компромисс невозможен.

– Деньги способны творить чудеса, – напомнил отец. – Тебе не нужна жена, но, возможно, дочери Франчески слишком молоды, чтобы всерьез думать о замужестве. Почему бы не заключить с одной из них сделку?

Чезаре упрямо тряхнул головой:

– Предлагаешь мне обойти условия завещания?

– Должен сказать, что лучшие юристы в Риме, изучив документ, смогли найти лазейку: если ты женишься на одной из сестер, то получишь право посещать остров и, что важнее, привезти туда бабушку, – с гордостью сообщил Жоффридо, ожидая, что новость произведет должное впечатление на сына.

Вместо этого Чезаре подавил стон разочарования.

– Что это нам даст в итоге? Мы не получим остров в собственность, не вернем его в семью.

– Даже возможность побывать там после столь долгого перерыва бабушка сочтет за счастье, – непреклонно заявил Жоффридо.

– Я всегда считал, что посещение острова противоречит завещанию.

– Это допустимо в случае, если брак состоится. Юристам удалось обосновать этот важный пункт. Однако, если кто-то из нас задумает посетить остров без соблюдения этого условия, дочери Франчески теряют право наследования и остров по закону отойдет в собственность государства.

– Чему правительство будет очень радо, – заключил Чезаре. – Ты серьезно думаешь, что даже короткий визит на Лайонз так важен для бабушки?

– Посетить могилы родителей, еще раз увидеть дом, в котором она родилась, вышла замуж, была счастлива с моим отцом? С островом у нее связано так много радостных воспоминаний.

– Достаточно ли ей будет одного короткого визита? Насколько я знаю, она мечтала провести там остаток своих дней, но это невозможно. В завещании указано, что только рождение ребенка дает право снова вернуть Лайонз в нашу семью.

– Это условие вполне может быть оспорено в суде, как несущественное. Закон о правах человека во многом изменил подходы к ранее незыблемым запретам. – Жоффридо был полон энтузиазма.

– Очень сомневаюсь, – признался Чезаре. – На это потребуется много лет и огромные средства. Правительство будет бороться всеми силами. Боюсь, на все это не хватит моей жизни. Кроме того, подумай, какая женщина согласится выйти за меня замуж и родить ребенка только для того, чтобы я мог получить в собственность какой-то крошечный заброшенный остров? Даже если бы я предложил выкупить остров после того, как мы поженимся.

На сей раз наступила очередь Жоффридо застонать.

– Сам знаешь, ни одна женщина не устоит против тебя. Ты ими вертел как хотел еще подростком!

Чезаре взглянул с веселым удивлением.

– Не кажется ли тебе аморальным зачать ребенка с такой корыстной целью?

– Ты меня неправильно понял, – с достоинством возразил отец. – Я не предлагаю тебе заходить так далеко.

– Но я не смогу вернуть нам остров, если не зайду так далеко, – резонно заявил Чезаре. – Другими словами, все сводится к тому, чтобы позволить бабушке еще один раз посетить родные места. Стоит ли ради этого пытаться подкупить незнакомую женщину?

– Это твое последнее слово? – обиженно спросил Жоффридо, когда пауза затянулась.

– Я практичный человек, – попытался оправдаться Чезаре. – Будь хоть один шанс получить остров, можно было бы рискнуть.

Жоффридо остановился уже возле самой двери и сердито поглядел на сына.

– Ты мог хотя бы встретиться с дочерьми Франчески и посмотреть, что можно сделать. Хотя бы постараться...

Проводив рассерженного Жоффридо, Чезаре в расстройстве произнес длинное витиеватое ругательство. Его эмоциональный отец легко увлекался несбыточными проектами. Его часто посещали блестящие идеи, но дальше этого дело не шло. В отличие от отца, Чезаре никогда не поддавался мгновенному порыву и не позволял эмоциям затмевать рассудок. Однако он покрылся холодным потом при мысли, что его бабушка нуждалась в серьезной операции, но не желала давать согласие. По его мнению, Афине стало скучно жить – она не видела в будущем интересных перспектив. Кроме того, она боялась довериться медикам. Его бабушка в жизни проявляла столько воли и мужества, что даже близкие отказывались верить, что она, как все люди, подвержена обычным слабостям.

Когда мать Чезаре умерла при его родах, Афина, гречанка по происхождению, пришла на помощь овдовевшему сыну. В то время как Жоффридо начинал свой бизнес, Афина взяла на себя заботу о маленьком Чезаре. До того как мальчик пошел в школу, он уже хорошо играл в шахматы и увлекался математикой. Бабушка первая заметила выдающиеся способности внука. В отличие от Жоффридо, ее не смутил высокий интеллектуальный потенциал, и Афина не только поддерживала ребенка своей любовью, но умело поощряла и направляла его развитие. Чезаре понимал, чем обязан бабушке, и Афина была единственной женщиной на земле, о которой он искренне заботился. Ему не были свойственны эмоциональные порывы. Чезаре всегда оставался спокойным, невозмутимым и стеснялся открытого проявления чувств, поэтому никогда и никому не признавался в том, что любит бабушку.

«Деловое соглашение», – повторил про себя Чезаре, вновь заглядывая в конверт. Речи не могло быть о том, чтобы рассматривать девочку-подростка как объект для переговоров. Оставалась простужка в шерстяной шапочке и убогом пальтишке. Ему не привыкать, что люди редко бывают умнее его, но жениться и терпеть рядом глупую женщину? Этого он не выдержит!

* * *

Негодование переполняло Брайана Уитейкера.

– Ты должна была отправить Героя на живодерню, когда я велел, – не унимался он. – Вместо этого держишь его в стойле и кормишь дармоеда овсом. Нам не по карману такие расходы при нынешних ценах.

– Он любимец Кристи. На следующей неделе она приедет из университета на каникулы. Я хотела, чтобы она попрощалась с лошастью, – возразила Лиззи тихим голосом, чтобы еще больше не разозлить отца. Стоя у кухонного стола, старик держался за спинку стула. Его руки дрожали – безошибочный признак болезни Паркинсона, терзавшей когда-то сильное тело. Тусклые глаза на изможденном, морщинистом лице смотрели осуждающе.

– Чего ты этим добьешься? Она будет рыдать, просить, умолять и в конце концов уломает тебя. Какой смысл? Ты пыталась найти покупателя, но лошадь никому не нужна, – раздраженно напомнил он. – Ты никудышный фермер, Лиззи!

– В приюте для животных может освободиться место на следующей неделе, – ответила дочь, даже не поморщившись от оскорбления: ей не привыкать к бесконечному брюзжанию отца. – Я не теряю надежды.

– Надежда, как известно, не приносит дохода, – все больше раздражался Брайан. – Кристи должна помогать на ферме, а не тратить время на бессмысленную учебу.

Лиззи горестно сжала губы, с ужасом представив, что младшая сестра должна будет бросить университет ради ежедневной борьбы за сохранение убогой фермы, опутанной растущими долгами. Хозяйство дышало на ладан, они с трудом сводили концы с концами, и это продолжалось бесконечно долго. К сожалению, отец никогда не одобрял желания Кристи учиться. Его ничего не интересовало за пределами фермы. Лиззи хорошо это понимала, потому что ее собственная жизнь сузилась до границ крестьянского хозяйства в шестнадцать лет, когда она закончила школу.

Она обожала младшую сестру, всеми силами оберегала ее с самого детства и готова была терпеть унижение ради того, чтобы молодая женщина наслаждалась свободой и могла выбрать другую судьбу, нежели жалкое существование, выпавшее на долю Лиззи. Она гордилась тем, что Кристи выиграла конкурс и получила место на литературном факультете в Оксфорде. Хотя Лиззи скучала по сестренке, она никогда не обрекла бы ее на тяжкий, безрадостный труд в деревне.

Лиззи натянула заляпанные грязью башмаки и тут заметила низкорослую лохматую собачку, странные пропорции тела которой говорили о сомнительном происхождении. Дворняга держала в зубах свою миску и радостно виляла хвостом, приветствуя хозяйку возле задней двери.

– Прости меня, Арчи. Совсем забыла про тебя, – застонала Лиззи.

Сняв ботинки, она вернулась в кухню и наполнила миску кормом. Мысленно составляя длинный список дел, которые предстояло сегодня сделать, Лиззи услышала за дверью звук включенного телевизора: судя по крикам болельщиков, шла трансляция футбольного матча. Она с облегчением вздохнула. Во время спортивных передач отец на время забывал о болях и приходил в хорошее расположение духа.

У ее отца был тяжелый характер, но и жизнь его не баловала. Упорство и тяжелый труд не принесли богатства. В молодости он взял в аренду ферму и всю жизнь работал на ней в одиночку. Покойная мать Лиззи, Франческа, в качестве жены фермера выдержала всего несколько лет, а потом сбежала с более перспективным ухажером. После развода разочарованный в семейной жизни Брайан Уитейкер больше не женился. Когда Лиззи исполнилось двенадцать, Франческа неожиданно умерла, и Брайан вынужден был заботиться о двух девочках, которых почти не знал. Он не уставал напоминать Лиззи о том, что из нее никогда не получится хороший помощник на ферме, каким мог бы стать сын. Брайану не было и пятидесяти, когда на него обрушилась болезнь, лишившая возможности делать физическую работу.

Отец не скрывал, что разочарован в ней, но Лиззи привыкла, что не соответствует ожиданиям других людей. Ее мать мечтала о веселом, жизнерадостном ребенке, но Лиззи была застенчива и необщительна. Ее отец хотел сына, а не дочь. Даже жених оставил ее ради женщины, более пригодной на роль жены фермера, чем Лиззи. Со временем она поняла, что не стоит кому-то что-то доказывать. Надо просто делать свою работу и не задумываться, как реагируют окружающие. Ее день начинался просто: насыпать зерна курам, собрать яйца. Потом она задавала Герою корм, купленный на собственные деньги, которые зарабатывала, обслуживая посетителей за стойкой деревенского бара по субботам. За работу на ферме

Лиззи не получала ни копейки. Как она могла распоряжаться скудными доходами хозяйства, если банковские сборы все время росли? Содержание фермы, корм, горючее – все стоило денег, которые приходилось брать в долг. Лиззи с ужасом ожидала очередного предупреждения из банка.

Она погрузила на трактор бочку с удобрениями, чтобы раскидать в поле, и выехала со двора до того, как отец успел пожаловаться, что она не укладывается в график весенних работ. Арчи прыгнул в кабину и уселся рядом с ней, свесив язык и часто дыша. На нем был потертый кожаный ошейник, в котором Лиззи подобрала одиноко бродившего вокруг фермы грязного, истощенного пса. Она подозревала, что от собаки просто избавились. Дорогой в прошлом ошейник предполагал, что когда-то пса любили и заботились о нем, а потом он стал не нужен, вероятно, когда умер хозяин.

Первое время Арчи во всем подражал стареющей фермерской овчарке Шепу, проявляя чудеса понятливости и перенимая опыт старой собаки. Когда Шеп умер, Брайан Уитейкер вынужден был признать, что Арчи прекрасно справлялся с обязанностями овечьего пастуха. Лиззи обожала лохматого помощника. Ночью он спал у нее в ногах и позволял ласково трепать себя за уши, когда ей было тоскливо.

Лиззи возвращалась на ферму за новой порцией удобрения, когда заметила низкую блестящую черную машину, свернувшую с главной дороги на ведущий к дому проселок. Она нахмурилась, не представляя, что могло понадобиться водителю дорогого лимузина на ферме, кроме, может быть, свежих яиц, которые она продавала. Остановив трактор у забора, она соскочила на землю, подхватила Арчи и наклонилась, чтобы отпустить пса.

Так Чезаре впервые увидел Лиззи. Она подняла голову, когда машина затормозила, поравнявшись с ней. Несмотря на нищенскую одежду женщины, Чезаре отметил ее бледную, похожую на тонкий фарфор кожу и глаза цвета яшмы. Он медленно, глубоко вздохнул.

Замешкавшийся водитель сразу был атакован разъяренной собакой, скорее напоминавшей грязный клубок шерсти на коротких ножках. Пока хозяйка умирала пса, Чезаре выпрыгнул на дорогу, не дожидаясь, пока шофер откроет ему дверь. Тяжелый запах навоза ударил в ноздри. Полученный на производстве опыт заставил его сразу задержать дыхание и не спеша приняться – не исходит ли запах от девушки. Когда отец сообщил, что семья Уитейкеров была беднее грязи, он не шутил. Фермерский дом ничем не напоминал живописный сельский коттедж с кустами роз перед окошками: крыша просела и почернела от дождей, окна перекосились, с двери облезла краска.

– Вы хотели спросить дорогу? – вежливо поинтересовалась Лиззи у высокого, темно-волосого незнакомца, легко выпрыгнувшего с заднего сиденья лимузина.

Чезаре уставился прямо на ее пухлые розовые губы. Его приятно удивили три неожиданных открытия: у мисс Уитейкер была нежная кожа, прекрасные глаза и рот, наводивший на мысль о греховном искушении, против которого Чезаре не мог устоять. Он знал свой горячий темперамент и регулярную потребность в сексе, поэтому не заблуждался по поводу непростительных слабостей.

– Дорогу? – переспросил Чезаре, отвлекшийся на собственные мысли. Вопрос застал его врасплох, поскольку он все еще оценивающе изучал невысокую, стройную фигурку девушки, угадывающуюся под замызганным жакетом, надетым поверх старого комбинезона. Из-под вязаной шапки на него смотрели огромные глаза с таким изумлением, словно он выскочил из космического корабля.

Одного взгляда на незнакомца было достаточно, чтобы Лиззи потеряла дар речи. Он был неподражаемо прекрасен, от блестящих густых черных волос и глубоко посаженных глаз цвета темного шоколада до сильного упрямого мужского подбородка. Ей никогда не доводилось видеть такого красавца, и она смутилась, как робкая школьница.

– Я подумала, что вы заблудились, – тихо пояснила Лиззи, не решаясь перевести дыхание под прямым взглядом глаз, отливавших золотом в неровном свете весеннего солнца. На секунду ей показалось, что она тонет, и тогда она тряхнула головой, заставляя себя вернуться к реальности. Однако щеки порозовели от странного возбуждения.

– Нет, я не заблудился. Ведь это ферма Уитейкеров?

– Да, я Лиззи Уитейкер...

«Только британцы могут сократить красивое имя Элизабетта до плебейского Лиззи», – с раздражением подумал Чезаре.

– Я Чезаре Сабатино.

Зеленые глаза удивленно расширились. Иностранное имя было непривычным для уха.

– Простите, не поняла...

Его чувственный рот скривился.

– Ты не говоришь по-итальянски?

– Может, знаю несколько слов. Вы итальянец? – смутилась Лиззи, догадавшись, что незнакомцу известно об итальянском происхождении ее матери. Вообще-то Франческа хотела, чтобы дочери учили итальянский, но Брайан Уитейкер решительно запротестовал, как только девочки начали употреблять слова, которых он не понимал. С тех пор в семье говорили только по-английски.

– Да, я итальянец, – подтвердил Чезаре, доставая из нагрудного кармана визитную карточку и протягивая ей.

Изящная грация его движений завораживала. Лиззи заставила себя перевести взгляд на визитку, но даже напечатанное там имя вызвало недоумение.

– Ваше имя Цезарь? – уточнила она.

Уголок твердого рта дрогнул в улыбке.

– Нет, Чезаре. Мы не в Древнем Риме. Произносится как Чей-зар-ре, – выговорил он с четкой дикцией, однако легкий иностранный акцент напоминал волшебную музыку.

– Чей-зар-ре, – вежливо повторила Лиззи, удивляясь, как можно выбрать для имени такой дурацкий набор звуков, в то время как Цезарь звучит просто и красиво. – И вы здесь потому, что...

Ироничный тон вызвал у Чезаре мгновенное раздражение: он не привык, чтобы его поторапливали с объяснением. Словно почуяв перемену в настроении, собака тихо, злобно зарычала.

– Может, пройдем в дом и все обсудим?

Лиззи не спешила ответить на бесцеремонное предложение незваного гостя. Она упрямо подняла подбородок.

– Поговорим здесь. У меня еще на полдня работы.

Чезаре скрипнул ровными, белоснежными зубами и чуть подался вперед. Собака предупредительно рывкнула и, вцепившись в край кашемирового пальто, резко дернула. Чезаре недовольно взглянул на рычащего пса.

– Арчи, нельзя! – прикрикнула Лиззи. – Боюсь, он решил, что мне грозит опасность.

Арчи тянул изо всех сил, но не мог сдвинуть с места рослого мужчину, не обращавшего внимания на яростную атаку.

– Да оставь ты его, Арчи, – не выдержала Лиззи. Она наклонилась, чтобы разжать челюсти, сомкнувшиеся на дорогой ткани пальто, и с ужасом заметила, что острые зубы оставили заметные следы на пушистом ворсе.

Кем бы ни был Чезаре Сабатино, но его одежда выглядела невероятно дорого и так идеально облегала атлетическую фигуру, словно ее шили на заказ у модного дизайнера. Под пальто на нем был черный деловой костюм, а начищенные до блеска ботинки явно не предназначались для грязного от весенней распутицы проселка. Скорее всего, Чезаре был важ-

ным чиновником, олигархом или кем-то в этом роде. Что, черт возьми, принесло его на их ферму?

– Вы из нашего банка? – прямо спросила Лиззи.

– Нет, я бизнесмен, – спокойно ответил Чезаре.

– У вас какое-то дело к моему отцу? – продолжала гадать Лиззи.

– Нет... Мне нужны вы, – злорадно поведал Чезаре.

– Я?... – изумилась Лиззи, встретившись взглядом с отливающими золотом глазами в бархатном обрамлении длинных черных ресниц. Под грубой одеждой вдруг до боли напряглась грудь, а низ живота охватил жар, приводя Лиззи в полное замешательство. – Зачем, ради всего святого, я вам понадобилась? Проходите в дом, если желаете, – неохотно предложила она, – но предупреждаю, там беспорядок.

Она повела Чезаре вокруг дома, скинула у порога рабочую обувь и открыла дверь на неприбранную кухню. Чезаре непроизвольно сморщил нос, оглядывая тесное помещение, немытую посуду в раковине, остатки еды в тарелке на деревянном столе. «Хозяйку вряд ли можно назвать прилежной», – мрачно подумал он. Собака по прежнему рычала из угла, не сводя с него глаз, пока Лиззи торопливо снимала жакет и шерстяную шапку, сгребала в сторону тарелки, освобождая для него стул.

– Кофе или чай? – спросила она.

Внимание Чезаре было полностью поглощено густой волной шелковистых волос, рассыпавшихся по плечам, когда Лиззи содрала с головы шапку. Светлые локоны играли и переливались нежным серебром. Эффект портили только уродливые темные завитки на концах. «Следы искусственного окрашивания», – догадался Чезаре, вспомнив сотрудницу офиса, которая явилась как-то на работу с волосами розового цвета. Он моргнул, опуская длинные ресницы, чтобы скрыть восхищенный взгляд.

– Кофе, – ответил он, чувствуя себя героем, согласившимся из вежливости сделать глоток из чашки в кухне, далекой от стандартов гигиены, к которым он привык. Изящным движением он сбросил пальто и перекинул его через спинку стула. Пока Лиззи наполняла чайник водой, ставила его на конфорку древней плиты, она имела возможность хорошенько разглядеть непривычного гостя, словно сошедшего со страниц глянцевого журнала, рекламирующего модную одежду городской элиты. Для Лиззи, привыкшей видеть рядом фермеров в старой, грязной одежде, пригодной для работы в поле, он словно явился из мира снов и фантазий. Чезаре олицетворял мужское совершенство, и, замороженная его неотразимым магнетизмом, Лиззи с трудом отвела взгляд от мощной, атлетической фигуры.

Обеспокоенная неожиданным направлением мысли, она подошла к двери гостиной. «Бизнесмен, – упорно твердила она себе. – Успешный. Такие, как он, безжалостны, отличаются холодной расчетливостью и не остановятся ни перед чем в погоне за прибылью». Чезаре излучал властную силу и уверенность. Такому человеку нечего делать на их бедной ферме.

– Отец? Хочешь чаю? У нас посетитель.

– Посетитель? – Нахмурившись, Брайан Уитейкер поднялся из кресла и, с трудом волоча ноги, вышел на кухню.

Лиззи достала из шкафа кружки, пока мужчины представлялись друг другу.

– Я приехал поговорить об острове, который Лиззи и ее сестра получили в наследство от вашей покойной жены, – спокойно объяснил Чезаре.

Повисла тревожная тишина. Лиззи застыла в немом удивлении. Ее отец склонил голову, словно не веря ушам.

– Дурацкое завещание... просто глупая шутка, – произнес старик с нескрываемой досадой. – Чего стоит наследство, которое нельзя ни продать, ни использовать... Какая от него

польза? Вот зачем вы приехали. Еще один дурак в погоне за бочкой золота, зарытой под радугой?

– Отец! – воскликнула Лиззи, пораженная его грубым замечанием. Она пожалела, что сразу не догадалась о цели визита итальянца и не связала его с наследством матери. Много лет остров, который нельзя продать, был предметом горечи в семействе, особенно когда возникла острая нужда в деньгах. Лиззи сняла чайник с огня и быстро разлила кипяток по кружкам.

– Я отнесу твой чай в гостиную, – сказала она, стараясь отвлечь отца. Она боялась, что старик не удержится от злобных комментариев.

– Можете продолжать разговор без меня. – Брайан Уитейкер взглянул в помрачневшее лицо итальянца, довольный произведенным эффектом. – В конце концов, он может быть здесь только по одной причине – сделать тебе предложение! – заключил он с ядовитой насмешкой, от которой бледное лицо дочери залила горячая краска. – Желаю успеха! Пару лет назад Лиззи бросил сосед, и с тех пор никто не польстился на нее.

Глава 2

Больше всего Лиззи хотелось провалиться сквозь землю. Вынести оскорбление на глазах у незнакомца оказалось тяжелее, чем терпеть грубые насмешки или ловить жалостливые взгляды соседей с той поры, как два года назад Эндрю Брук разорвал помолвку. Через месяц после этого Эндрю сыграл свадьбу с Эстер, уже беременной сыном. С каменным лицом Лиззи заварила чай и кофе и даже поинтересовалась у гостя, не добавить ли в кружку сахару.

Мрачно сжав в твердую линию чувственный рот, Чезаре глядел на скованную спину Лиззи, отмечая тонкую талию и стройные бедра, слегка обозначавшиеся под комбинезоном. Отец жестоко оскорбил ее. Однако неужели правда, что никто не ухаживал за ней? Несмотря на уродливую одежду, Чезаре сразу признал в ней красавицу. Может, не в традиционном понимании красоты, способной покорить мир, но такой, чтобы заставить любого нормального мужчину оглянуться вслед. Куда смотрели местные кавалеры?

– Извините отца, – с горечью сказала Лиззи, осторожно поставив перед ним кружку с горячим кофе. На мгновение она уловила мягкий цитрусовый аромат его одеколона и снова почувствовала жар внизу живота. Никогда и никто не смущал ее так в собственном доме.

– Вы не должны извиняться за него, милая, – ответил Чезаре.

– Просто хочу объяснить. Моих родителей бесили условия завещания, но я никогда не думала об этом. Помню, в детстве остров был камнем преткновения в нашей семье, потому что всегда не хватало денег.

– Вы когда-нибудь посещали Лайонз?

– Нет. Случай не представился. Мама провела там неделю с одним из своих приятелей, но ей не понравилось, – рассказывала Лиззи, одновременно изучая худощавое сильное лицо с высокими скулами, прямым носом и твердым упрямым ртом. Ее взгляд непроизвольно скользнул выше, к темным, с золотым блеском глазам Чезаре. – Думаю, она ожидала окунуться в роскошь, но обстановка дома оказалась очень скудной.

– По завещанию для содержания острова был создан денежный фонд. Насколько мне известно, там живет смотритель с семьей, который присматривает за имуществом.

Лиззи склонила голову набок. Поскольку гость явно не придавал значения грубой реплике отца, она постепенно начала приходить в себя. Длинная шелковистая прядь скользнула по щеке. Чезаре заглянул в большие, орехово-зеленые глаза, обрамленные мягкими ресницами цвета меда. Он почувствовал, как его охватывает возбуждение, и напряг волю, чтобы подавить сексуальный импульс.

– Да. Фонд покрывает только содержание дома, а не обновление, поэтому там сохранилась обстановка тридцатых годов. Мама рассчитывала, что смотритель будет готовить еду и убираться в доме, но ни он, ни его жена не согласились. Ей пришлось все делать самой, – продолжала Лиззи. – Мама решила, что поездка на остров обошлась слишком дорого, учитывая расходы на питание и на перевозчика, который доставил их на остров и обратно.

– Полагаю, вам интересно знать, зачем я приехал?

– Не думаю, что вы собираетесь сделать мне предложение, – пожала плечами Лиззи, словно отметая язвительный комментарий отца, но при этом смущенно покраснела.

– Смотря что понимать под этим, – кивнул Чезаре, сплетая длинные пальцы вокруг кружки с кофе. Напиток был отвратительным, но вряд ли Лиззи волновали такие мелочи, когда ей в одиночку приходилось управляться с целой фермой. Стоя спиной к плите и скрестив на груди руки, она пыталась выглядеть непринужденно, но при этом была напряжена как струна. – Надеюсь, мы сможем прийти к деловому соглашению.

Лиззи нахмурилась, с усилием отводя взгляд от необычайно красивого лица. Она порозовела, ругая себя за отсутствие воли и удивляясь, чем он так сильно привлекает ее.

– Деловое соглашение?

– Мое предложение адресовано вам, потому что ваша сестра еще не достигла совершеннолетия. Конечно, придется получить ее согласие, поскольку она совладелица острова. Я готов выплатить вам значительную сумму денег за то, чтобы вы согласились принять участие в брачной церемонии со мной.

Ее ресницы задрожали: он поверг ее в шок. Хотя стоит заметить, что уверенный вид Чезаре и спокойная манера изложения придали фантастическому предложению почти заурядную повседневность.

– Серьезно? Всего лишь участие в брачной церемонии? Что это вам даст?

Чезаре рассказал о сентиментальной привязанности его бабушки к острову и о предстоящей операции. Слушая, Лиззи медленно кивала, тронутая едва уловимой нежностью в голосе Чезаре, которую он не мог скрыть, говоря о старой женщине. Помягчевший взгляд и легкий румянец на его щеках непроизвольно возбудили любопытство. Лиззи с удивлением отметила, что Чезаре вовсе не так холоден и надменен, как ей показалось вначале, хотя старательно прятал эмоции.

– Разве попытка обойти завещание не противозаконна? – тихо поинтересовалась она.

– Я не собираюсь афишировать нашу сделку, но для убедительности на какое-то время нам придется притвориться, что наш брак настоящий.

– А как же быть с «общим ребенком»? – не удержалась от вопроса Лиззи. – Это обязательное условие завещания.

– Предоставляю вам решать, войдет ли ребенок в нашу сделку. Я готов щедро заплатить за право бабушки посетить остров, но если вы согласны выполнить все условия завещания, то, продав мне Лайонз, имеете шанс получить с сестрой пару миллионов фунтов, – четко выговорил Чезаре. – Я очень богатый человек и готов заплатить высокую цену за то, чтобы вернуть остров семье.

Миллионы? У Лиззи пересохло во рту, она побледнела, все поплыло перед глазами. На секунду она представила, как за несправедные деньги исполняются несбыточные мечты: отец откажется от аренды фермы, они с Кристи купят ему коттедж в деревне, чтобы он мог ходить в паб на посиделки и встречаться со старыми друзьями. Кристи не придется вкалывать вечером на двух работах, она сможет заняться учебой и вернуть студенческий заем. А сама Лиззи, освободившись от обязанностей по ферме, выучится профессии, которая принесет ей радость. Арчи ждет профессиональный груминг, он получит новый ошейник и будет питаться лучшим собачьим кормом...

Мечты становились все более абсурдными, и Лиззи покраснела от стыда. Она крепко сжала кулаки, стараясь обуздать воображение, разыгравшееся при мысли о случайных, будто выигранных в лотерею, больших деньгах.

– Я не могу родить ребенка от незнакомца... или дать ему жизнь ради такой цели, – призналась она. – Если вас это утешит, скажу, что на секунду пожалела, что я не из тех женщин, кто мог бы.

– Подумайте об этом, – посоветовал Чезаре, отметив без удивления, что предложенная им огромная сумма денег произвела должное впечатление. Он легко поднялся и положил на стол свою визитную карточку. – Вот номер моего мобильного.

Высокий, на голову выше ее, с широкими плечами, узкими бедрами и длинными ногами, он подавлял Лиззи.

– Тут есть над чем призадуматься, – вздохнула она.

Чезаре подхватил пальто со спинки стула и снова повернулся к ней. Его глаза сверкали, как топазы.

– Выбирайте из двух вариантов. Оба принесут вам неплохой доход.

– Вы рассуждаете как бизнесмен, – заметила Лиззи, игнорируя комментарий. Ей все еще было стыдно за минутное помрачение рассудка, когда она поверила, что овцы могут давать мифическое золотое руно. «Неужели порядочному человеку так легко поддаться корысти?» – спрашивала она себя с тревогой.

– Я всего лишь сделал деловое предложение, – сухо поправил Чезаре.

– Это ваш отец сделал когда-то предложение моей матери? – спросила Лиззи, не удержавшись. – Может, кто-то из ваших родственников по другой линии?

Чезаре замер.

– Это был мой отец, но речь не шла о сделке. Он влюбился по-настоящему, и они были помолвлены, когда Франческа приехала сюда на каникулы. Однако она встретила вашего отца и предпочла его, – сказал он без всякого выражения.

Лиззи уловила скрытое неодобрение в чертах строгого худощавого лица и вспыхнула, потому что ее мать, безусловно, отличалась переменчивым нравом в отношении мужчин. Как и следовало ожидать, Франческа никогда не признавалась в том, что была помолвлена с предшественником Брайана Уитейкера, но каждый мужчина на ее пути становился самой большой любовью ее жизни до тех пор, пока не проявлял свою сущность или она не встречала новую любовь. Франческа шла по жизни без оглядки, не останавливаясь, не пытаясь выстроить прочные отношения: ее не беспокоило, как беспорядочные связи отражались на благополучии двух маленьких дочек.

– Боюсь, я не сентиментален, – продолжал Чезаре. – Скорее, отличаюсь большой практичностью. Почему бы вам не извлечь пользу из наследства, чтобы помочь своей семье?

– Потому, что это неправильно, – неуверенно произнесла Лиззи. – Мой прадедушка предполагал совсем другое, когда составлял завещание.

– Конечно нет. Он жаждал мести, потому что брат моей бабушки отказался от его дочери перед алтарем. Не хочу сказать, что он поступил благородно, но связать фамильный остров невыполнимыми условиями только для того, чтобы навсегда лишить мою семью прав на него, тоже неправильно, – уверенно заявил Чезаре. – Так обстояли дела почти восемьдесят лет, но я уверен, что мы можем восстановить справедливость.

– Мне никогда не приходило в голову поинтересоваться этической стороной вопроса, – нахмурилась Лиззи, не желая признаться, что остров для нее всегда оставался таким же мифическим объектом, как бочка с золотом под радугой, о которой упомянул отец.

Чезаре вдруг широко улыбнулся, забавляясь ее искренностью и наивностью. Его улыбка, осветившая скульптурные черты красивого лица, почти ослепила Лиззи, и ей вдруг захотелось дотронуться до него. Она едва сдержала себя, до боли сжав ладони. Лиззи не на шутку встревожила собственная физическая реакция, природу которой она безошибочно угадала. Кому, как не дочери Франчески Уитейкер, знать силу сексуального влечения, толкавшего ее мать в отношения, одно разрушительнее другого. В гнетущей тишине, глядя в бархатистые, золотисто-карие глаза, обрамленные длинными черными ресницами, Лиззи дрожала, борясь с неиспытанным до сих пор искушением.

– Мое предложение известно, и я готов подписать условия. Советую обсудить его с сестрой и отцом, но предупреждаю, что все должно остаться между нами, – сказал Чезаре, глядя сверху вниз на поднятое к нему лицо Лиззи. Он задержал взгляд на ее нежно очерченных губах, стараясь представить, каковы они на вкус. – Мы можем выполнить все условия... Я нахожу тебя привлекательной.

Бросив эту весьма тревожную фразу, Чезаре развернулся на каблуках и вышел за дверь к ожидавшему лимузину. Водитель торопливо открыл для него дверь.

Привлекательной? Лиззи откинула со лба светлую прядь и поймала свой растерянный взгляд в пожелтевшем от времени зеркале на стене. Он действительно сказал, что мог бы лечь с ней в кровать и сделать ей ребенка, если она не против? Именно это он подразумевал

под словом «привлекательная»? Ее лицо пылало: она решительно против! Ей известно, что хорошо, что плохо. Не всегда деньги приносят счастье, а ребенку нужны и мать и отец.

Однако же она помнила, с какой завистью смотрела на младенца, которого прижимала к груди жена бывшего жениха в церкви после обряда крещения. Лиззи испытала тогда муку более горькую, чем обида на неверность Эндрю. Она всегда хотела ребенка и любила наблюдать за малышами. Когда Эндрю ушел к Эстер, Лиззи сожалела не о нем, а о том, что не она родила ему сына. Может, она действительно холодная и фригидная, как утверждал Эндрю? Лиззи поморщилась, вспоминая суровый приговор. Значит, она хуже других женщин, если ее бросил ухажер, которому всего-то нужна была теплая и любящая жена. Лиззи знала, что, уйдя от нее к Эстер, Эндрю сделал правильный выбор за них обоих, однако это не значило, что Лиззи по-своему не любила его.

Она чуть не заплакала, теребя темные кончики прядей. Она перекрасилась в коричневый цвет, потому что так хотел Эндрю. К счастью, волосы отросли и больше не напоминали ей о том, на какие глупости способны женщины из желания угодить мужчине...

Откуда у нее такой сильный материнский инстинкт? Уж конечно не от легкомысленной матери с непомерным сексуальным аппетитом, вся энергия которой была направлена на мужчин. Лиззи не удивилась, узнав, что Франческа обманула отца Чезаре и вышла замуж за Брайана Уитейкера. Суровые йоркширские зимы и нищенское существование довольно скоро заставили ее разочароваться в выборе. Спустя несколько недель после рождения Кристи Франческа сбежала с мужчиной, который оказался пьяницей. Его преемник больше интересовался тем, как промотать наследство, оставленное дочери итальянскими родителями, чем самой Франческой, а третий любовник постоянно изменял ей. Наконец, четвертый, за которого она вышла замуж, нещадно бил ее. Наблюдая за метаниями матери от одного партнера к другому, Лиззи перестала доверять мужчинам. Все усилия были направлены на заботу о сестре на пять лет младше ее. Она старалась смягчить для нее стресс от постоянной перемены школ и переезда с места на место. Лиззи делала все, чтобы у Кристи было счастливое детство, которого сама не знала. Самые лучшие моменты ее жизни были связаны с младшей сестрой – Лиззи знала, что Кристи любит ее и нуждается в ней. Когда сестра уехала в университет, в жизни Лиззи образовалась пустота. Арчи частично заполнил вакуум.

– Выходи за него замуж и не валяй дурака! – зло прикрикнул на дочь Брайан Уитейкер. – У нас нет другого выхода.

– Все не так просто, отец, – пыталась урезонить его Лиззи, но старик не желал слушать.

– Надо было выходить замуж за Эндрю. Он взял бы на себя расходы на ферму, а я по-прежнему жил бы здесь, но ты испортила дело, отложив свадьбу. Вместо того, чтобы быстро все решить, тянула время!

– Мне хотелось лучше узнать его.

– Считай, ты преподнесла его Эстер на блюде с каемочкой. Эндрю оставался последней надеждой сохранить ферму, а ты, как нарочно, отказалась от него, – обвинял отец, – теперь бубнишь жалкие оправдания.

– Многие женщины на моем месте отказались бы от позорной сделки! – резко обрезала Лиззи, вскинув голову, и вернулась во двор в сопровождении Арчи, крутившегося возле ее ног. Со дня визита Чезаре Сабатино прошла неделя, и каждый день отец уговорами и обвинениями пытался заставить ее согласиться на сомнительное предложение.

По крайней мере, Кристи не будет дудеть в ту же дуду, думала Лиззи, сидя за рулем старого, разбитого «лендровера», направляясь на вокзал за сестрой. Она по телефону рассказала Кристи о предложении Чезаре, и сестра поддержала ее. Однако Лиззи признавала, что обстановка становилась все более неразрешимой. Стоимость аренды выросла, и они уже не могли ее осилить, а банк отказал в кредите и настойчиво требовал вернуть заем.

К сожалению, тревоги и стресс от бесконечных споров с отцом начали сказываться на характере Лиззи. Она не испытывала обычной радости от встречи с сестрой, приезжающей на каникулы. Кристи ожидала на платформе: пушистые пепельные волосы собраны в аккуратный конский хвостик, голубые глаза сияют радостью долгожданной встречи. Лиззи заметила возле ног сестры два больших чемодана, а за плечами объемистый рюкзак.

– Господи, откуда столько багажа, ведь учебный год еще не закончился? – удивилась Лиззи, обнимая сестру.

– Я так соскучилась, – призналась Кристи. – Почему ты еще не перекрасила волосы в естественный цвет?

– Просто не хватило времени... и денег, – пробормотала Лиззи, волоча тяжелый чемодан к «лендроверу».

– Нет, ты просто наказываешь себя за то, что не вышла замуж за Эндрю.

– Теперь вам читают лекции по психологии на курсе английской литературы? – поддразнила сестру Лиззи.

Уложив багаж, они тронулись в обратный путь.

– Должна предупредить: отец вышел на тропу войны, – пожаловалась Лиззи.

– Хочет, чтобы ты вышла замуж за итальянца из-за денег, – простонала Кристи в отчаянии. – Дорогой папочка, он такой динозавр. Помнишь, как он убеждал тебя принять предложение Эндрю, чтобы спасти ферму, а теперь готов принести в жертву из-за дурацкого острова! Не волнуйся, я целиком на твоей стороне.

Несмотря на стресс, Лиззи выдавила улыбку. После бесконечного нытья отца, жизне-радостный оптимизм Кристи напоминал луч солнца, сверкнувший сквозь мрачные облака.

– Ты права, – согласилась она, хотя понимала, что оснований для радости нет. Однако ее младшая сестра никогда не отличалась практичностью и, будучи творческой натурой, часто витала в облаках. Наблюдая за Кристи, сразу бросившейся через двор к Герою – любимому престарелому пони, чтобы угостить его яблоком, Лиззи тяжело вздохнула.

– У меня сюрприз для тебя, – улыбнулась Кристи, возвращаясь к машине, чтобы помочь разгрузить багаж. – Я приехала насовсем!

Лиззи уставилась на нее в изумлении:

– О чем ты говоришь?

– Я бросила университет, чтобы вернуться домой, – заявила Кристи, непривычно твердо сжав нежные губы. – Даже при двух работах и студенческом кредите, у меня не остается денег на еду, а задолженность перед банком огромная. Лиззи, я так больше не могу, зная, что ты не покладая рук трудишься здесь одна. Найду работу и стану помогать тебе. Я уже достаточно взрослая, чтобы разделить ответственность за ферму.

Лиззи была в шоке. Меньше всего ей хотелось, чтобы Кристи бросила учебу и загубила жизнь на ферме. Тем более не было никакой уверенности, что ферму удастся сохранить.

– Даже не предполагала, что дела так плохи.

– Не хотела огорчать тебя, – призналась Кристи, – но мне не потянуть больше, чем две работы, а учителя и так жалуются на мою плохую успеваемость: от усталости засыпаю на лекциях.

В этот момент Лиззи приняла решение. Благополучие семьи рушилось на глазах, а у нее была реальная возможность все изменить к лучшему. Разве могла она стоять в стороне и наблюдать, как гибнут близкие люди? Самое простое – выйти замуж за Чезаре и позволить его бабушке посетить остров.

Полученных денег должно хватить на оплату долгов и аренду жилья в деревне. Сможет ли она родить ребенка от Чезаре, чтобы у него было законное право выкупить остров Лайонз?

Ответ пришел к Лиззи как озарение. Удивительно, что она не увидела решение сразу. Чезаре хвастался перед ней большой практичностью, значит, он одобрит ее план избежать интимной близости и, вообще, максимально упростить решение проблемы. Бремя ответственности, тяжким грузом лежащее на плечах, вдруг словно испарилось: Лиззи выпрямилась и даже позволила себе улыбнуться.

– В воскресенье возвращаешься в университет, маленькая леди, – твердо предупредила она сестру. – Обещаю, тебе больше не придется работать, и ты займешься учебой.

– Ты не можешь выйти за итальянца, – в ужасе ахнула Кристи.

Лиззи глубоко вздохнула и присела за кухонный стол.

– Давай будем честными друг перед другом. Восемь лет я без отдыха работала на ферме. У меня не оставалось времени ни на друзей, ни на развлечения. Я даже не научилась пользоваться косметикой.

– Но это не значит, что ты должна принести себя в жертву.

– Тебе не приходило в голову, что я сама хочу выйти замуж за Чезаре и родить ребенка? Он очень красивый мужчина, а я мечтаю стать матерью. Я не против, чтобы у меня были деньги – надоело мучиться и переживать, получая очередной счет, который мы не можем оплатить, – решительно заявила Лиззи. Ее личико покраснело. – Я говорю совершенно серьезно. Хочу стать женой Чезаре. Для всех нас это лучший выход, поверь.

– Никогда не думала, мне в голову не приходило... – Кристи все еще сомневалась, не очень-то веря в объяснение старшей сестры. – Ты уверена, Лиззи?

Нет. Лиззи совсем не была уверена, но не собиралась размышлять на эту тему до тех пор, пока не будет заключен официальный договор. Что бы ни случилось, она выйдет замуж за Чезаре Сабатино, потому что это единственный способ волшебным образом решить все собственные проблемы, а также проблемы отца и Кристи.

Лиззи отправилась прямо в спальню и нашла визитную карточку Чезаре. Не давая себе времени передумать, она быстро набрала текст.

«Согласна на замужество. Обговорим подробности при встрече».

Чезаре несколько раз моргнул, читая сообщение, и через обеденный стол взглянул на белокурую Селин. Французская модель привлекала его дольше, чем это удавалось большинству любовниц. Однако мысленным взором он видел перед собой другую женщину – стройную блондинку с прозрачными зелеными глазами под длинными светлыми ресницами. Он удовлетворенно вздохнул, испытывая тем не менее легкое разочарование: его не покидала уверенность, что Лиззи Уитейкер устоит против соблазна получить обещанное вознаграждение.

Женщины любили деньги, а он любил женщин – справедливая сделка, при которой никто не должен чувствовать себя оскорбленным или продажным. Чезаре давным-давно усвоил это правило. По крайней мере, Афина сможет посетить дом, где прошло ее детство. Согласится ли мисс Уитейкер выполнить все условия завещания? Предвкушение совсем другого рода захлестнуло Чезаре, и он нахмурился, пораженный мощным всплеском гормонов, нарушившим привычное спокойствие. Он лишь подумал о Лиззи Уитейкер, но при этом испытал острое вожделение, словно неопытный в сексе подросток.

– О чем так крепко задумался? – неуверенно поинтересовалась Селин.

Озадаченный неожиданной бурной реакцией тела, отказавшегося подчиниться дисциплине головы, Чезаре посмотрел на нее без привычного желания.

– О предстоящей сделке.

Жоффредо наверняка будет счастлив услышать о предстоящей свадьбе, в то время как Чезаре приходил в ужас от одной мысли о женитьбе, будь то деловое соглашение или нет. Муж? Деликатес на тарелке потерял привлекательность – у Чезаре пропал аппетит. Он опу-

стил темные ресницы, пряча глаза. Каким-то загадочным образом Лиззи Уитейкер лишила его удовольствия от предстоящей ночи с Селин. Чем она так заинтриговала его?

Глава 3

Одетая в джинсы, свитер и рабочие ботинки, Лиззи мерила шагами кухню и говорила отцу:

– Не знаю, какие условия он предложит. Послушай, мне надо кое-что сделать. Я еще успею поработать до приезда Чезаре.

– Что еще за странное имя? – проворчал Брайан.

Натягивая куртку, Лиззи недовольно посмотрела на старика. Какое он имеет право упрекать ее или цепляться к Чезаре? В душе она не переставала убеждать себя в том, что все складывается прекрасно: Кристи вернулась в университет, скоро ни ей, ни отцу не придется беспокоиться о растущей стоимости аренды и задолженности банку.

– Это итальянское имя, как любое – мое, Кристи или мамино. Самое обычное. Не стоит забывать, что Чезаре словно волшебной палочкой изменит нашу жизнь.

– Даже в райском саду не обошлось без змея, – презрительно скривил губы Брайан, за которым всегда должно было остаться последнее слово.

Лиззи с наслаждением вдохнула свежий воздух и поспешила к каменной ограде, за которой в поле паслись овцы. Скоро они должны принести потомство. Если ей придется уехать раньше, Эндрю, возможно, согласится позаботиться о ягнятах, отрешенно думала Лиззи, стараясь сохранять внешнее спокойствие, хотя не переставала нервничать с той минуты, что отправила сообщение Чезаре. Успех невозможен без потерь, все имеет свою цену, а любое событие чревато последствиями, уговаривала себя Лиззи, поглядывая в наступающих сумерках на дорогу в ожидании машины. В этот момент она услышала в небе шум и задрала голову.

Над долиной летел вертолет. Сделав круг над вершиной холма, он приближался, медленно снижаясь. Оглушенная грохотом винта, Лиззи на мгновение замерла, не веря, что вертолет готовится сесть на поле, где паслась отара. В лучах мощного прожектора она видела, как овцы в панике помчались вниз с холма. Лиззи рванула к воротам, Арчи не отставал. Перемахнув через загородку, она на бегу давала команды собаке, но было поздно: перепуганные овцы сломали забор и через соседнее поле устремились к реке. Арчи с лаем носился, преграждая им путь к воде. Задыхаясь, Лиззи бежала к мечущимся животным. К счастью, гул вдруг затих. Овцы сбились в кучу, но мотор снова взревел – пилот, опомнившись, начал взлет. Овцы бросились врассыпную.

Лиззи услышала, что кто-то кричит ее имя, и с облегчением увидела Эндрю Брука, спешившего на помощь. Пытаясь восстановить дыхание, оглядываясь в поисках пропавшего Арчи, Лиззи неслась к берегу убедиться, что овцы не упали в воду. Эндрю успел первым. Высматривая что-то в прибрежной тине, он наклонился и свистом подозвал свою собаку. Вероятно, одна овца все-таки пострадала, подумала Лиззи.

– Сожалею, Лиззи, он ранен. Слишком мал, чтобы справиться с обезумевшей отарой, – сказал Эндрю, высокий темноволосый парень, лет под тридцать.

Лиззи в ужасе наклонилась над маленьким, распростертым в грязи телом: это был Арчи, и он тихо повизгивал. Она опустилась рядом на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.